

«Słownik prasłowiański». Т. I (A—B). Pod red.
F. Sławskiego.
Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1974

Этот нарядный, отлично изданный том объемом около сорока авторских листов как бы увенчивает продолжительную и нелегкую работу целой группы польских лингвистов, начатую более двадцати лет тому назад в осуществление идеи Т. Лер-Сплавинского (см. «Wstęp», стр. 5). В 1961 г. вышел скромный «Zeszyt próbny» на 100 словарных статей, но похоже, что самая напряженная работа по уточнению принципов и пополнению материала пришлось на последнее десятилетие. Задача «Праславянского словаря» польских ученых — воссоздание праславянского словарного состава VII—VIII веков нашей эры, т. е. накануне появления древнейших письменных текстов. Авторы отдают себе полный отчет в наличии не всегда разрешимых трудностей реконструкции (формальной, семантической). Словообразование и его продукт — всевозможные производные слова — пользуются самым пристальным вниманием у составителей Словаря. Праславянские диалектизмы характеризуются как показатели древней диалектной дифференциации праславянского словаря. Отметим, что примерно из 900 словарных статей на А и В в настоящем 1-м томе около 400 словарных статей, по мнению авторов, представляют собой очевидные диалектизмы («Wstęp», стр. 10).

Из «Вступления» мы узнаем, что вышедший том — это одна десятая или даже одна двенадцатая часть целого. Весь «Праславянский словарь» составит, таким образом, более десяти таких томов. Можно только пожелать успеха польским коллегам в скорейшем осуществлении столь внушительного по своим масштабам труда.

В словаре привлечена значительная литература по этимологии и лексикографии славянских языков. Обращает на себя внимание включенный в 1-й том «Очерк праславянского словообразования» (стр. 43—141) Ф. Славского. В этой части очерка охарактеризована структура глагола и отчасти — имени существительного, в следующих томах предполагается дать сведения по прилагательному и сложным словам. При очевидной в общем априорности такого очерка, который, естественно, будет выглядеть во многом иначе после завершения всего словаря (и, как нам кажется, должен был бы опираться на такую объективную базу как полный обратный словарь праславянского языка, сейчас пока еще отсутствующий), настоящий «Очерк» выполнен Ф. Славским весьма тщательно и принесет определенную пользу как обобщение известных на данном этапе науки сведений. Пересмотра заслуживают отдельные традиционные толкования, напр. праслав. *děvica < *děvi-ka < < *děvi, отождествляемого с др.-инд. *devī* 'богиня' (стр. 99 «Очерка»), что сомнительно семантически ('девушка' = 'богиня?'), фонетически (праслав. *děva более вероятно толкуется из и.-е. **dhē(i)*?, т. е. как 'существо, уже способное кормить грудью', а и.-е. корень со значением 'бог, богиня и т. п.' характеризуется, как известно, четким отсутствием придыхательности начального зубного согласного и восходит к первоначальному обозначению дня, дневного света), словообразовательно (ср. внутрiformантную апофо-

нию, которая связывает суффикс *-ica* с другими суффиксами на *k/c*, а также словообразовательную функцию **dēvica* как субстантивации первоначально адъективного **dēva* подобно **vǔdovica*—**vǔdova* и т. п.; все эти аспекты в сущности игнорируются этимологией праслав. **dēvica*: др.-инд. *devī*). То же можно, пожалуй, сказать о недостаточном четком разграничении в «Очерке» суффиксальных производных на *-l-* и на *-dl-*: вместо **načęlo*, традиционно реконструируемого на стр. 104, мы дали бы праформу **načędlo*, а вместо **ryl'ь* (стр. 105) — **rydlь*. Намеренно опуская здесь свои критические замечания по отдельным чисто этимологическим вопросам, мы выделили лишь то, что затрагивает целые словообразовательные категории реконструируемого праславянского словарного состава.

Словарные статьи «Праславянского словаря» начинаются со слова — реконструкции; сразу за этой праформой приводится польское слово. Можно считать это чисто формальной деталью, но определенное нарушение установившейся славистической традиции (и, как кажется, нарушение, не мотивированное объективно) здесь имеется: ведь ближе всего подходят к искомому позднепраславянскому времени (VII—VIII вв., см. выше) отнюдь не польские и не собственно западнославянские письменные тексты, а старославянские письменные тексты X—XI вв. с их болгаро-македонской основой и различными редакциями, откуда и ведет свое начало принятый в науке порядок обзора родственных славянских форм (ю.-слав., затем — зап.-слав. и вост.-слав.).

Словник (лексический индекс, реестр) «Праславянского словаря» привлекает при чтении, естественно, особое внимание. Для словаря такого типа он является как бы целью и главным результатом всего труда. Здесь находит свое выражение авторская концепция древнего лексического состава. Этот словник, как нам кажется, должен регистрировать словообразование и тем более словоизменение (морфологию) лишь в лексикализованной форме. Регулярные парадигмы словоизменения (лицо, число, время, залог, падеж) надлежит при этом трактовать имплицативно, т. е. как бы подразумевать их, не включая, однако, в словник. Такова, собственно говоря, суть наших возражений по поводу статьи «*bitь*, partic. praet. pass. do *biti*» (стр. 252). Другое дело, когда единая грамматическая парадигма представляет собой вторичную грамматикализацию первоначально лексически самостоятельных, разных основ: типичный пример — гетероклиза, супплетивизм именной и глагольной. Здесь лексическая реконструкция вправе выделить фактический примат лексического над грамматическим и трактовать как особые словарные позиции, скажем, местоименные падежные формы **azь* и **mene*, глагольные основы **esmbь*, **estь* и **byti*.

В краткой рецензии-аннотации невозможно сколько-нибудь подробно осветить те многие вопросы, которые возникают при чтении этого полезного труда польских славистов. Иногда при этом появляются вопросы отнюдь не специальные и, видимо, заслуживающие проверки и обстоятельных размышлений. Возьмем хотя бы отсылки, отсылочные слова, известные вообще в лексикографической практике и, надо сказать, в очень широких размерах применяемые в «Праславянском словаре». Напр., половину страницы 360 занимают отсылочные статьи *bratrana* см. *bratana*; *bratrěnzь* см. *bratěnzь*; *bratrikь* см. *bratikь*; *bratrina* см. *bratina*; *bratriti* см. *bratiti*; *bratrъ* см. *bratъ*; *bratъja* см. *bratъja*; *bratrъn'ь* см. *bratъn'ь* и т. д. Именно обширность пассажа порождает у нас некоторые сомнения в правильности этой практики как таковой. Из удобного приема отсылка грозит перерасти в категорию оценки, так как она как правило не просто «отсылает», но и квалифицирует, решает, какое слово основное, а какое — «отсылочное», тем самым как бы рекомендуя лишь на одном из них сосредоточить поиски этимологии и прочей информации. Здесь наличествует момент составительского произвола. Ведь в языковой действительности — наблюдаемой или реконструируемой — нет деления на второстепенные и основные слова, поэтому невольно задумываешься над полезностью этого деления в лексикографии, особенно если учесть возможность обратного негативного наложения лексикографической практики на лексикологическую теорию. Я не говорю уже о том, что у́бегло упомяну-

